

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго.

„Я не прибѣгалъ къ яркимъ краскамъ и громкимъ фразамъ, чтобы осязательнѣе выставить подвиги Севастопольскаго гарнизона, сознавая, что для сооруженія письменнаго памятника достопримѣчательной оборонѣ нѣтъ болѣе прочнаго основанія, какъ правда и безпристрастіе“.

(„Описаніе обороны г. Севастополя“ генераль-адъютанта Тотлебена, ч. I-я. Предисловіе).

„Но есть невозможное и для героевъ... А имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ“.

(Высочайшій приказъ Россійскимъ Арміямъ Императора Александра II—30 авг. 1855 г.).

I.

Недавно еще русское общество страдальчески пережило позоръ сдачи эскадры адмирала Небогатова, бунты матросовъ Черноморскаго флота, похижденія душевно-ненормальнаго лейтенанта Шмидта.... Въ то же время мы, русскіе, имѣли невыразимое счастье изучить отдѣльные эпизоды геройскихъ подвиговъ тѣхъ же моряковъ въ послѣдней русско-японской войнѣ. Тѣ и другія явленія невольно заставляли насъ, измученныхъ смутнымъ на Руси временемъ послѣднихъ лѣтъ, обращать взоры свои къ славному прошлому нашего флота, связывать это прошлое съ настоящимъ, искать тамъ, въ туманѣ минувшихъ годовъ, разгадки того, что происходило передъ нашими гла-

зами.... И какой яркой, бодрящей душу, негаснущей, путеводной звѣздой сіялъ, при этомъ, Севастополь съ его безсмертными подвижниками обороны — покрытыми боевой славою адмиралами и скромными, безвѣстными рядовыми матросами!... Сколько убѣжденной, беззавѣтной преданности своему Государю, Родинѣ, Андреевскому флагу!... Какая желѣзная дисциплина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая трогательная, дѣтская покорность волѣ начальствующихъ, какая вѣра въ нихъ, любовь къ нимъ, духовная съ ними связь — до послѣдняго дыханія!... Какая вѣра въ Бога, въ Его предначертанія, въ Его справедливость!... Точно живые вставали изъ своихъ безмолвныхъ гробницъ такіе „орлы“ Севастопольскаго „сидѣнья“, какъ Нахимовъ, Истомина, Корниловъ. Оживали въ благодарной памяти нашей и величавые по скромности своей курганы „братскихъ могилъ“ Севастопольскаго кладбища. Растроганная, потрясенная недавней революціей, нашими неудачами на морѣ и на сушѣ, душа рвалась, жаждала еще и еще перелистать ихъ, — эти вдохновенныя страницы далекаго прошлаго, для того, чтобы вдоволь упитаться ихъ духовнымъ ароматомъ, почерпнуть изъ нихъ терпѣніе, вѣру и надежды на будущее, убѣдиться, что не можетъ погибнуть страна, рождавшая и рождающая такихъ богатырей духа, какъ герои Севастополя, Портъ-Артура, Цусимы....

Понятнымъ станетъ счастье — встрѣтить въ тѣ недавніе, тяжелые дни одного изъ уцѣлѣвшихъ защитниковъ Севастополя.

Подобное счастье выпало на долю мою въ лицѣ скончавшагося 29 ноября 1909 года, въ г. Смоленскѣ, отставного вице-адмирала, князя Леонида Алексѣевича Ухтомскаго.

Прочтя коротенькую замѣтку въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ о смерти князя, невольно прошептавъ „еще однимъ хорошимъ человѣкомъ, честнымъ слугою Царя и Родины стало меньше!“, я не столько сожалѣлъ о потерѣ самого престарѣлаго князя, какъ о томъ, что съ нимъ отошелъ въ вѣчность чуть ли не послѣдній представитель былаго поколѣнія русскихъ моряковъ — тѣхъ моряковъ, которые обезсмертили русское имя подъ Синопомъ и Севастополемъ.

Но мнѣ жаль было и князя, какъ человѣка, котораго я любилъ, любовью котораго пользовался.

Съ горечью въ сердцѣ, едва разбиралъ я то, что писалось въ провинціальной газетѣ далѣе — писалось бездушно, холодно, казенно о человѣкѣ, о дѣятелѣ, который когда-то былъ задушевымъ членомъ общества, семьян, „добрымъ товарищемъ по службѣ, врагомъ казеннаго, чопорнаго формализма, гуманнымъ „отцомъ солдатъ“.

„Тѣло предано землѣ на Тихвинскомъ кладбищѣ, — читалъ я отдѣльныя фразы. — Въ похоронной церемоніи участвовалъ баталіонъ

4 пѣх. Копорскаго полка. Покойный имѣлъ иностранные ордена Льва и Солнца“.

— Даже и тутъ переврали -- на скорую руку!... думалось мнѣ, „принявъ за два ордена одинъ.... А тамъ и совсѣмъ забудутъ. Удивительно, въ какомъ общемъ равнодушіи сходятъ у насъ подчасъ съ житейско-служебной сцены люди, далеко незаурядные, положившіе въ свое время и свой камень въ зданіе русской государственности!“

И передо мною всталъ рядъ извѣстныхъ дѣятелей, древнихъ старцевъ, которыхъ я зналъ лично, уже забытыхъ или даже оклеветанныхъ потомствомъ.

У насъ принято смерть стариковъ встрѣчать, какъ явленіе, не отражающееся на текущей жизни: пожилъ, молъ, на свѣтѣ человекъ много лѣтъ — пора и честь знать, давъ мѣсто другимъ!... Между тѣмъ въ подобномъ отношеніи къ уходящимъ въ вѣчность — и несправедливость, и недоразумѣніе.... Мы точно забываемъ, что иной старикъ, уже наполовину угасшій и духовно, и физически, служитъ какъ бы связующимъ звеномъ прошедшаго и настоящаго. Съ его кончиною уходятъ изъ жизни преданія прошлаго, традиціи пѣлаго поколѣнія, „завѣты предковъ потомству“. Точно живая совѣсть, точно укоръ, много лѣтъ подъ рядъ стоялъ онъ передъ нашими духовными взорами, возбуждая въ окружающихъ высокія чувства, зова къ подвигамъ, не давая уснуть сознанію. И вотъ такой старикъ умираетъ.... Развѣ не чувствуемъ мы тогда пробѣла въ текущей дѣйствительности, развѣ не сжимается сердце наше тоскою о прошломъ?!.. Пока жилъ онъ среди насъ—мы, привыкшіе къ его участию, точно не замѣчали порой его присутствія... Только смерть указала на пустоту, создавшуюся въ обществѣ, когда его не стало.

Къ подобнымъ личностямъ смѣло можно причислить и скончавшагося князя Ухтомскаго не только по душевнымъ качествамъ почившаго, сколько въ силу того, что съ нимъ исчезъ изъ общества одинъ изъ защитниковъ Севастополя, т. е. человекъ, когда-то внесшій и свою долю крови, страданій, доблести, надеждъ въ дѣло этой бессмертной эпопеи.

Въ наши дни всеобщаго унынія, въ наши сумрачные дни забвенія идеаловъ, традицій, извращенія вкусовъ, взглядовъ, во дни безвѣрія, оплеванія прошлаго, самобичеванія, право, полезно лишній разъ взглянуть на то, чѣмъ мы были и чѣмъ стали.

Вотъ почему, узнавъ о кончинѣ князя, мнѣ захотѣлось рассказать печатно современному русскому обществу, со словъ почившаго, о томъ, какъ у насъ любили Родину въ прошломъ.

Въ оглашеніи нѣкоторыхъ событій изъ жизни князя я вижу для

себя даже своего рода нравственную обязанность: я зналъ покойнаго довольно близко и пользовался его любовью на столько, что мнѣ, при жизни, подарилъ онъ уцѣлѣвшую часть личнаго своего архива, въ томъ числѣ и кое-какія замѣтки, относящіяся къ Севастопольской кампаніи, давъ право воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ по моему усмотрѣнію.

Исчерпывая въ настоящемъ трудѣ моемъ, по мѣрѣ возможности, содержаніе доставшихся мнѣ дневниковъ почившаго, я не могу не коснуться и тѣхъ страницъ, на которыхъ князь говоритъ о себѣ, о службѣ былого времени, о современномъ ему обществѣ, о молодыхъ своихъ увлеченіяхъ и надеждахъ. И дѣлаю я это сознательно, исходя изъ той точки зрѣнія, что оборона Севастополя вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ непремѣнно представленіе о страданіяхъ отдѣльныхъ личностей. Не нарисовать, поэтому, хотя бы въ общихъ чертахъ, портрета самого автора мемуаровъ значило бы отнять у послѣднихъ элементы жизненности и правды.

Вотъ—программа, которой я думаю держаться, разрабатывая доставшееся мнѣ отъ князя литературно-историческое наслѣдство.

Къ дневникамъ князя я присоединю все, что передалъ онъ мнѣ на отдѣльныхъ кусочкахъ бумаги объ адмиралѣ Нахимовѣ, о Крымской кампаніи вообще, а также данныя изъ жизни двухъ сподвижниковъ почившаго по Севастопольской оборонѣ.

Перечитывая бумаги князя Ухтомскаго, относящіяся къ безсмертной Севастопольской эпопеѣ, я дрожалъ иногда той нервной дрожью, которую вызываютъ картины былой славы Родины. Но меня невольно умилялъ своей искренностью и духовный міръ самого автора—умилялъ до зависти къ чистотѣ сердца ближняго...

Если то, что я изложу здѣсь, въ настоящей статьѣ, не произведетъ на читателя подобнаго же впечатлѣнія, то можно усумниться, русская ли кровь течетъ въ его жилахъ...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти престарѣлаго князя Ухтомскаго, я послалъ въ одну изъ газетъ некрологъ его, въ которомъ, между прочимъ, было мною сказано:

„Будучи адъютантомъ у героя Синопа и Севастополя, адмирала Нахимова, князь до конца жизни своей сохранилъ свѣтлую, благоговѣйную память о любимомъ начальникѣ. Въ послѣдніе годы почившій мирно, незамѣтно, полу-забытый, жилъ то въ Смоленскѣ, то недалеко отъ Смоленска, въ своемъ имѣннѣ, всѣмъ, однако, интересуясь, слѣдя по газетамъ за текущими событіями и читая пересылаемые ему мною изъ Вильны историческіе журналы, сохранивъ до конца свѣжесть души, ясность ума, теплую вѣру въ Бога.

Безукоризненно-честный, идеально-благородный, скромный до дѣт-

ской застѣнчивости, всегда готовый помочь ближнему, рыцарь даннаго слова, престарѣлый сподвижникъ Нахимова, съ его житейской непрактичностью, вѣрой въ людей, съ его убѣжденіями, взглядами, боевыми заслугами, казался мнѣ порою какой-то живой, вопіющей аномаліею среди взбаломученнаго моря нашей послѣдней отечественной революціи. Многіе изъ смолянъ, въ тѣ недавніе, сумбурные, подчасъ прямо кошмарные, дни приходили къ покойному—погрѣться у негаснущаго очага его любвеобильнаго сердца, для того, чтобы снова уйти отъ него въ жизнь съ вѣрой въ конечное торжество началъ порядка и исторической правды, съ вѣрой въ радостное будущее Родины. Уже отъ одной молчаливой, сосредоточенной, спокойной фигуры маститаго князя вѣяло убѣжденіемъ въ то, что временная муть унесется теченіемъ жизни, а вѣчное, божеское останется... Не мало горя принесли почившему, въ послѣдніе годы его существованія, кромѣ смутнаго на Руси времени, и запутанныя благодаря довѣрчивости покойнаго, благодаря незнанію имъ людей, матеріальныя дѣла его. Но и тутъ надо было преклоняться передъ христіанской философіей князя, передъ его радостнымъ смиреніемъ волѣ Божіей. Тяжкія, долги, предсмертныя страданія не поколебали въ умирающемъ ни его трогательно-чистой, дѣтской вѣры, ни убѣжденныхъ надеждъ на иную лучшую жизнь, какъ награду за земныя невзгоды. Напротивъ, очистивъ его окончательно, они подготовили почившаго къ этой вѣчной жизни, къ которой, задолго до кончины, онъ столь радостно готовился...

Приѣхавъ въ 1903 году въ гор. Смоленскъ на службу, я вскорѣ познакомился съ маститымъ кн. Ухтомскимъ, съ его радушной семьею, даже сошелся со старикомъ—на сколько это оказалось возможнымъ при разности нашихъ общественныхъ положеній, возрастовъ, взглядовъ на жизнь, а, затѣмъ, сталъ довольно часто бывать въ небольшомъ его деревянномъ домикѣ - особнякѣ, осѣненномъ старыми деревьями съ фронта и расположенномъ недалеко отъ древней крѣпостной стѣны.

Нерѣдко приходилось мнѣ встрѣчать типичную, хорошо всѣмъ смолянамъ извѣстную, фигуру князя на улицахъ города,—когда, во всякую погоду, въ опредѣленные часы дня, съ поднятымъ воротникомъ чистенькаго форменнаго пальто, а въ дождь и съ засученными бережно внизу брюками, выходилъ покойный на свою обычную прогулку или за покупками въ зеленую лавку у Днѣпровскаго, трамвайнаго моста. Медленною, размѣренной походкою, съ угрюмымъ видомъ, нѣсколько склонивъ на бокъ крупную, характерную голову съ неправильными чертами лица, опустивъ къ землѣ глаза и никого не замѣчая, точно погруженный въ глубокое раз-

думье, престарѣлый, хотя бодрый еще, адмиралъ производилъ на человѣка, съ нимъ впервые столкнувшася на улицѣ, непріятное впечатлѣніе или гордеца, или мизантропа. Но вотъ вы останавливаете его встрѣчнымъ привѣтствіемъ: князь, не сѣша, поднимаетъ голову, вглядывается въ васъ нѣсколько мгновеній и, узнавъ, восклицаетъ съ привѣтливостью придворнаго былыхъ временъ, слегка приподнимая руки какъ-бы удивленнымъ жестомъ: „А!.. Вотъ гдѣ онъ!“—И начинаются, бывало, разспросы о вашей семьѣ, о знакомыхъ, бесѣды на злобы дня.

Удивительно шли къ покойному князю и адмиральскіе погоны, и георгіевская ленточка въ петлицѣ пальто, и фуражка съ большимъ козырькомъ, и сумрачный видъ, и добродушная улыбка, сіявшая изъ-подъ сѣдыхъ усовъ, разгонявшая порою глубокія морщины его румянаго, свѣжаго лица.

Особенно пріятно было встрѣчать невозмутимаго князя, во время послѣдней революціи, на опустѣвшихъ, стихшихъ улицахъ Смоленска, по которымъ шмыгали, въ роли „освободителей“ нашей Родины, юркіе, оборванные еврейчики съ прокламаціями, на которыхъ открыто творились разныя безобразія, прекращавшіяся лишь казацкими нагайками и патрулями. Встрѣтишь, бывало, князя Ухтомскаго, взглянешь на его фигуру, на его мѣрную походку, подмѣтишь въ чертахъ лица его презрительное отношеніе ко всему этому уличному хаосу и гвалту—и на сердцѣ вдругъ станетъ яснѣй, спокойнѣе. Покраснѣешь невольно надъ своими сомнѣніями и страхами, подумаешь со вздохомъ: „Нѣтъ, не погибла еще дорогая Родина“!..

Помню, какъ однажды, жаркимъ, весеннимъ днемъ, подъ сѣнью распускавшихся, благоухавшихъ березъ, остановились мы съ нимъ на скверѣ, противъ мужской гимназій. Велико-возрастные гимназисты, увидѣвъ двухъ военныхъ, по обычаю тѣхъ дней, осыпали насъ изъ оконъ нецензурной бранью, освистывали, пѣли, нарочно, для насъ, революціонныя пѣсни. Я краснѣлъ отъ этихъ оскорбленій, а князь невозмутимо продолжалъ разговоръ, и ни одинъ мускулъ лица его не дрогнулъ, хотя онъ все отлично слышалъ и видѣлъ.

У покойнаго, съ годами, къ старости, выработались свои привычки, которымъ онъ никогда не измѣнялъ. Такъ, князь купался на открытомъ воздухѣ даже тогда, когда осенью вода затягивалась льдомъ, совершалъ ежедневно, въ опредѣленные часы, длинныя прогулки, вставалъ рано, рано ложился спать, былъ умѣренъ въ пищѣ, чуждъ роскоши и особаго комфорта. Часто можно было видѣть его въ Смоленскихъ храмахъ истово молящимся, исполняющимъ убѣжденно всѣ обряды православной Церкви, съ особымъ умиленіемъ относящагося къ таинству святого причащенія.

Когда мало знакомые гости появлялись въ домѣ, князь былъ утонченно любезенъ, одинаково ровенъ со всѣми, но спѣшилъ усѣсться за свои любимые, старинные пасіансы, и самъ имѣлъ видъ скорѣе гостя, чѣмъ хозяина. Трудно было втянуть его въ общій разговоръ, еще труднѣе—вызвать на воспоминанія о прошломъ, о Севастополѣ, о личныхъ его подвигахъ. Въ подобныхъ случаяхъ покойный, отдѣлавшись незначительными фразами, спѣшилъ величаво умолкнуть, углубиться въ свой пасіансъ. Долго приписывалъ я подобное поведеніе старика - оригинала не столько врожденной скромности, застѣнчивости его, какъ старческому духовному угасанію, безпамятности... Но уже посидѣть возлѣ молчаливаго, занятаго картами, старика - адмирала являлось въ тѣ дни наслажденіемъ: чего только не воскресало изъ прошлаго при взглядѣ на эту характерную, некрасивую, коротко-стриженную, угрюмую, но симпатичную голову!..

Случай, однако, помогъ мнѣ увидѣть однажды „настоящаго“ князя. И то, что я открылъ, поразило меня своей неожиданностью.

Какъ-то, лѣтомъ 1908 года, когда семья Ухтомскихъ переѣхала изъ города на постоянное жительство въ только-что купленное имѣніе у станціи „Васьково“ (Московско-Бресткой желѣзной дороги), я отправился навѣстить ее на новосельи. Никого, кромѣ стараго адмирала, дома не оказалось: всѣ уѣхали въ городъ. Князя я засталъ одного, въ гостиной, за прилежнымъ разсматриваніемъ ботаническаго атласа. Тишина комнаты нарушалась только отдаленными криками любимаго попугая княгини, встревоженнаго долгимъ отсутствіемъ хозяйки. Въ слѣдующей комнатѣ, у древнихъ иконъ, мигала лампадка. Открытый рояль съ нотами—въ гостиной. Тамъ же много цвѣтовъ, воздуха, свѣта. Огромный шкафъ во всю стѣну, оригинальнаго вида, сработанный когда-то для князя матросами, заваленный книгами, журналами, бездѣлушками. Книги на этажеркахъ, стульяхъ. На стѣнахъ—морскіе виды. Въ кабинетѣ—портреты адмирала Нахимова, другихъ моряковъ... Какъ хорошъ, своеобразенъ, симпатиченъ показался мнѣ хозяинъ въ своемъ уединеніи, среди этой обстановки, краснорѣчиво говорившей объ его прошломъ, объ его вкусахъ, привычкахъ!! За окнами—сіяло солнце, шепталъ садъ, щебетали птички. Тянуло на свѣжій воздухъ. И мы съ княземъ пошли по аллеямъ въ поле,—осматривать новыя его владѣнія.—Раззоренная, запущенная усадьба вызвала на умъ невольное соображеніе: посильное ли бремя взвалилъ себѣ добровольно на плечи старикъ въ его годы?! Вотъ тутъ-то, въ роли гостепріимнаго, одного хозяина—едва вернулись мы съ нимъ въ домъ—князь вдругъ разговорился, хотя и безъ оживленія, не покидая своего обычнаго,

угрюмаго вида, а, на мои разспросы, порешель къ воспоминаніямъ о прошломъ. Кого только, оказалось, онъ не зналъ на своемъ вѣку, съ кѣмъ не дружилъ, чего не испыталъ! Конечно, позъзуюсь удобной минутою, я навель разговоръ на севастопольскую оборону: Князь, сообщивъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ, сознался, что у него до сихъ поръ сохранилось кое-что въ бумагахъ, относящееся къ этому времени. Немного погодя, онъ подвелъ меня къ вышеупомянутому шкафу, открылъ одно изъ отдѣленій и вынулъ нѣсколько мелко-исписанныхъ тетрадей, уже пожелтѣвшихъ отъ времени. То были дневники его молодости.—Бѣгло пробѣжавъ ихъ, я натолкнулся на священныя для русскаго сердца имена Нахимова, Корнилова.—Слово „Севастополь“ такъ и запестрѣло у меня въ глазахъ... Увидѣвъ впечатлѣніе, произведенное этой грудю исписанной бумаги, старикъ выразилъ опасеніе за судьбу замѣтокъ. По словамъ его, свои мемуары о Нахимовѣ онъ передалъ давно уже въ „Морской Сборникъ“: тамъ они и пропали безслѣдно. Остались у него, въ бумагахъ, черновые наброски. Но кому они нужны? Кто возьметъ на себя трудъ разобраться въ этихъ каракуляхъ, привести ихъ въ систему!.. Не попадутъ ли уцѣлѣвшіе дневники, послѣ смерти его, князя, въ печь, на обертываніе колбасы въ мелочную лавку?!

Такова была сущность бесѣды моей съ покойнымъ у его личнаго архива. И вдругъ старикъ предлагаетъ мнѣ—просто, безъ всякихъ предисловіій и ломанья,—взять себѣ, на память о посѣщеніи „Васькова“—все, что осталось отъ его бумагъ, если документы эти „могутъ“ меня „заинтересовать, какъ писателя“—съ правомъ воспользоваться подаркомъ по моему усмотрѣнію, даже при его жизни.

Надо ли распространяться о томъ, съ какими чувствами принялъ я предложеніе, какъ горячо обнялъ милаго, симпатичнаго, великодушнаго старика!!

За обѣдомъ мы продолжали съ княземъ тотъ же разговоръ объ его архивѣ, о Севастополѣ, о Нахимовѣ. Оказалось, къ моему изумленію, что князь много путешествовалъ, кое-что даже печаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, изъ своихъ путевыхъ наблюденій, что имъ давно-давно издана отдѣльная книга объ одномъ изъ такихъ путешествій...

И все это передавалось—съ обычнымъ пасмурнымъ видомъ, съ паузами, съ оговорками, вызванными боязнью, чтобы я не заподозрилъ его, князя, въ рисовкѣ, хвастовствѣ...

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

